

ВАДИМ КОВДА

ВЗДЫМАЕТСЯ СФИНКСОМ РОССИЯ...

* * *

Смолкайте, пустые желанья!
Уйдите, пожалуйста, прочь!
Я отдан был вам на закланье,
но больше мне с вами невмочь.

Отбуйствовал, отсуетился,
Словес наболтал на века...
И всё ж не сломался, не спился
и даже не умер пока.

Так полнитесь вечностью, строчки,
и сутью, что зрела во мне:
о маме, о сыне, о дочке,
о Боге, любви и войне...

Я вновь отрицаю бессилье.
И вижу: в глухом полусне
Вздывается сфинксом Россия
Вдали, предо мной и во мне.

КОВДА Вадим Викторович — москвич, член СП СССР с 1972 года, автор 10 книг стихотворений. Последняя книга вышла в Москве в 2006 году. Живет в Германии в городе Ганновер и в Москве.

* * *

Входит в силу моё поколение —
нарастают года и чины...
Начинаются скука и тленье
у мужчин, что не знали войны.

Матерет моё поколение —
дачки, премии, власть и почёт...
Там, где было безумство и жженье, —
лишь смиренность да трезвый расчёт.

Толще книги и выше оплата.
Чаще — в креслах, всё реже — в толпе.
Всё, что вы презирали когда-то,
всё с лихвой накопили в себе.

Улыбаетесь хитро и сухо.
Малой группкой сплотили ряды.
Не избегли томления духа,
избежали былой чистоты.

Значит, это и есть ваше счастье...
Ну, так что ж, ну, так что ж — поделом!
Не прошли испытание властью.
Не прошли испытанье рублём.

1982

ХОЛОКОСТ МОИСЕЯ

И возопили люди Моисея:
— Куда мы прёмся до краёв земли?
Там в рабстве и спокойней, и сытнее!
Какого чёрта мы сюда пришли?

Лицо перекопилось Моисея:
— Какой вы богоизбранный народ?!
Вы жалкий сброд, деляги, фарисеи...
Для вас жратва важнее всех свобод?!

Гремел надрывный голос Моисея:
— Забыли вы, кто Бог ваш? Кто отец?
Хочу, чтоб вы повымерли скорее!
Пуускай родятся новые евреи...
Еврей — не значит трус или подлец!

И горлом кровь пошла у Моисея.
Хрипел он, не подьемля головы:
— Вдруг новые окажутся мерзее,
Корыстней и наглей, чем даже вы?

Не это ль вижу в мареве Москвы?..

ПАМЯТИ ДОКТОРА ЯНУША КОРЧАКА*

Среди самых священных историй
я не помню священной такой.
Доктор Корчак, Вы шли в крематорий,
чтобы детский продлился покой?..

Но сиял ли тогда в поднебесье
строгий глаз среди литой синевы?
Ведь Христос-то — Он знал, что воскреснет.
Ну, а Вы, доктор Януш, а Вы?..

Вот чугунные двери закрыли.
Вот одежды заставили снять.
Что Вы, доктор, тогда говорили?
Вы могли во спасенье солгать?

Но какое же это спасенье?
Все мертвы, и страданья — не счесть.
Слышу пенье, негромкое пенье...
Спасены от распада и тленья
только совесть людская и честь.

Вы глядели спокойно и немо.
Вы другой не искали судьбы:
вместе с дымом — в безмолвное небо,
вместе с дымом — из чёрной трубы.

Растворились в просторе широком,
по пространствам ветра разнесли...
Я вдыхаю Вас, старый мой доктор,
чую в каждой частице земли...

НА ДРУЖЕСКОЙ ВСТРЕЧЕ ВЕТЕРАНОВ (подо Ржевом)

Фриц морщинистый, пряткий, поджарый,
Малость выпил — его не унять:
— Нет-нет-нет! Мне не снятся кошмары.
Но хочу я хоть что-то понять.

— Мы вас били... Но всё потеряли...
Я ведь помню... Я в здравом уме...
Это как же мы ВАМ! проиграли?
Вон у вас всё доныне в дерьме!

— Как мы шли и как пели крылато!
Вот уж Химки! Нам скоро домой!
Проиграли бы Англии! Штатам!!
Ну, а вам-то... Ах, Боже ты мой!

* Януш Корчак (1878–1942) — литературный псевдоним польского писателя, врача, еврея по национальности, Генрика Гольдсмида, имевшего возможность спастись, но выбравшего смерть в газовой камере Трешлинки вместе с 200 воспитанниками детского дома из Варшавского гетто.

— Мусор, ямины, грязь и вонища
среди тучной и щедрой земли.
Тут у вас до сих пор пепелище,
словно танки недавно прошли!

— Сколько лиц, измождённых и пьяных!
Как мутна в вашей речке вода...
Это мне непонятно и странно,
что мы вас не добились тогда...

А наш Ваня дышал перегаром.
Улыбался... И — слёзы из глаз...
Фриц сосал дорогую сигару
и угрюмо косился на нас.

2006

* * *

*Бывали хуже времена,
Но не было подлей.*

Н. Некрасов

Живу среди деляг и выжиг
и научился понимать,
что надо выжить, выжить, выжить
там, где не стоит выживать.

И потому душе тревожно...
Дерьмом заляпанный Парнас,
где честно выжить невозможно...
Ну, а нечестно — не для нас.

Всё, что любил, осталось в силе,
и никуда не надо лезть,
Покуда годы сохранили
тоску, достоинство и честь.

* * *

Я говорю о том, что стало ясно,
Что тяжело далось, что тяжко сознавать.
Я говорю о том, что говорить опасно,
Я говорю, о чём нельзя сказать.

Пусть чутким станет ум, отверзнутся пусть уши...
Зачем я говорю? — о том не мне судить.
Я буду говорить... И будет больно слушать.
Я буду говорить, что больно говорить.

Читатель дорогой, прости... Но речь готова.
Прочти и сохрани... Не изменись в лице.
Да! в вещи КНИГЕ той в начале было Слово...
Пусть слово прозвучит и обожжёт в конце.